

Андрей Кокоулин

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К59

Серия «Темное фэнтези»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Владимира Гусакова

Кокоулин, Андрей Алексеевич

К59 Северный Удел.— Москва: Издательство АСТ, 2016.—
476, [1] с.— (Темное фэнтези).

ISBN 978-5-17-095280-9

Офицер тайной службы Бастель Кольваро, отпрыск одной из семи фамилий, обладающих высшей кровью, получает письмо от отца — тот просит его немедленно вернуться домой. Неприятности в поездке не заставляют себя ждать. В гостинице на него совершают покушение, после которого он чудом остается в живых. Нападавший убит, но кровь у него, в отличие от цветной крови высоких фамилий и низкой серой крови прочих людей, — прозрачная. Кроме того, совершено покушение и на самого государя. Но ни цели, ни мотивы убийц не ясны. Бастеля наделяют полномочиями следователя. Прозрачная или, иначе, пустая кровь становится главной загадкой...

Подписано в печать 18.01.16.

Формат 84 × 108^{1/32}. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Кокоулин А., текст, 2016

© Гусаков В., обложка, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Дверцы кареты украшал щит рода Кольваро.

Белая половина — чистота помыслов. Красная — чистота крови. Посередке цеплялась коготками за оба поля бирюзовая ящерка. Она означала — «на страже».

Старый щит. Очень старый.

Пассажир в карете был всего один. Сейчас он скучал. Письмо отца было прочитано дважды, тайнопись по краям — тоже. К прихваченному в дорогу Суб-Аннаху за три дня возникло стойкое отвращение. Единственно, карты у Суб-Аннаха были хороши.

— Гиллигут!

Подняв шторку, пассажир выглянул в окно.

Лицо у него было примечательное — узкое и длинное, с выпуклыми ореховыми глазами, тонким прямым носом и стрельчатой бородкой.

Фамильное лицо.

Его слегка портил шрам, рассекающий уголок верхней губы, — то ли от птичьего когтя, то ли от стилета. Но пассажир, поверьте, давно с ним свыкся.

— Гиллигут!

Крик всполошил копошащихся в лопухах кур.

От постоялой избы мимо кареты босиком по раскисшей земле, по конским «яблокам» грозно прошла дородная баба в одном исподнем. В руке у нее раскачивалась тряпка.

— Гиллигут!

Стукнули ворота пристройки.

Исподнее мелькнуло внутри. Раздался скрип половиц. Что-то звякнуло, дзонкнуло, белая, в рыжих пятнах кошка выбралась оттуда, уселась, отвернув голову.

Пассажир улыбнулся.

— Беги, Гиллигут, беги,— шепнул он себе под нос.

Впрочем, даже если бы некий Гиллигут его и услышал, было уже поздно.

— Вот ты где!

Шлепок. Еще шлепок. Звонкий. Смачный. Мокрой тряпкой по мягкому.

— Ма-а! — басовито взревели в пристройке.

А затем, топоча так, что все вокруг содрогалось, звенело и сыпалось, придерживая портки, из ворот вылетел детина лет восемнадцати. Высокий. Плечистый. Толстозадый.

Кошка, мявкнув, приснула в сторону.

— Ма!

— Вот тебе!

Тряпка догнала беглеца и ужалила в жирную спину.

— Ай! — Детина припустил.

Мать не стала преследовать сына. Раскрасневшаяся, отдуваясь, остановилась перед каретой.

— Извините, господин,— слегка поклонилась она пассажиру,— сейчас ваш багаж погрузят. Уже скоро.

Пассажир серьезно кивнул в ответ.

Хотя едва сдерживался, чтоб не расхохотаться.

— Уж такая бестолочь,— произнесла устало женщина.

Пассажир завел глаза к обитому тканью с розанами потолку кареты, мол, что поделаешь, и опустил шторку.

Происшествие с Гиллигутом его развлекло.

Несколько мгновений он прислушивался, затем из саквояжа на противоположном сиденье достал спички, снял узорчатый колпак с лампы, прибитой к боковой стенке, чиркнув спичкой, поднес ее к фитилю.

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

Занялся желтый язычок пламени.

Прикрутив его на минимум, пассажир вернул колпак на место.

Внутренности кареты задрожали в мерцающем свете.

Из того же саквояжа была извлечена длинная игла и ком желтоватого воска.

Пассажир снял перчатку с левой руки, несколько раз сжал-разжал исколотые тонкие пальцы. Иглу взял со вздохом. Было видно, процедура эта для него рутинна и не очень приятна.

Острые кольнуло мизинец.

Капля крови набухла на кончике пальца. В свете лампы она казалась переливчато-черной.

Пассажир, сморщившись, отложил иглу. Затем, держа мизинец на весу, костяшками правой руки продавил в восковом коме углубление.

— Ишмаа...

То ли слово, то ли всхлип из стесненного горла.

Мизинец, качнувшись, нырнул в ямку. Воск мгновенно потемнел и, будто живой, сомкнулся вокруг пальца.

— Ишмаа,— тихо повторил пассажир.— Ишмаа санех.

Лампа мигнула.

Пассажир откинулся назад, задирая вверх фамильное лицо с рассеченным уголком губы. Стукнул беспокойно каблук сапога.

Далеко, словно в другом мире, распахнул дверь постоялой избы круглолицый Гиллигут. Нагруженный цветастыми тюками и сундуком, он затопал, спускаясь с низкого крыльца. Вышел за ним на порог приземистый усатый мужик, держащий в каждой руке по чемодану.

Пассажир выдохнул.

Под рукой лежал восковой человечек. Желтый, с темным пятнышком внутри. Очертаниями пятнышко напоминало ящерку.

— Ганаван, дом Бриццоли,— негромко произнес пассажир.— Найдешь господина Терста, Огюма Терста.

Пятнышко в человечке пыхнуло искоркой.

Восковая фигурка перевернулась и встала на ноги. Несколько неловко прошлась по краю сиденья, потом, присев, прыгнула на пол.

— Тссс...— сказал пассажир.

Человечек понятливо прижался к стенке.

Карета содрогнулась. Скрежетнула крышка багажного ящика на задах.

— Да сундук, сундук сначала,— раздался хрипловатый голос.

Пассажир натянул перчатку, приоткрыл дверцу:

— Майтус, скоро там?

Приземистый и усатый сунул небритое лицо в щель.

— Сейчас двинемся, господин. Что ни гостиница, то дурни,— пожаловался он.

— Расплатился?

Усатый кивнул.

— Содрали как в столичном номере.

— Ничего,— улыбнулся пассажир.— Клопов не было, постельное белье чистое. Я выспался.

Майтус фыркнул и исчез.

— А теперь чемоданы, а не тюки,— снова раздался его голос.— Тюки я веревкой привяжу.

Карета закачалась. Пару раз пассажиру чувствительно отдало в спину. Воску — вот что надо будет купить, подумал он, прикрыв глаза. Кончается.

За тонкой стенкой шуршала веревка, скрипело дерево, потом Майтус погнал увальня Гиллигута за лошадьми.

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

Строчки письма всплыли в голове пассажира.

«Здравствуй, сын,— писал отец.— Получил твою весточку. Хочу сказать, когда я был в твоём возрасте, мои письма домой были не в пример длиннее. А у тебя все как-то по-солдатски: ать-два, взысканий не имею, участвовал в двух стычках с ассамями, мучился животом. Эх, нет в тебе художественной жилки. Я, помню, даже ночь гарнизонную мог так описать, что ах!

И луна висела в черном небе, будто подброшенный кем-то сантим. И посеребрённые заросли камыша шептались, словно заговорщики.

И тоска, такая тоска, южная, густая, впивалась в горло, что хотелось выть.

А, каково?! Впрочем, я вовсе не в упрек тебе. Раз не считаешь подробности нужными, то и не пиши. Ты всегда был молчун. Себе на уме. Мы ж с матушкой твоей и не гадали, что ты вдруг по тринадцати лет возьмешь и упорхнешь из родового гнезда. И куда? Юнгой на „Касатку“! Я, конечно, и сам в детстве бредил кораблями...

Кстати, не осталось ли у тебя знакомых, что могут помочь дяде Кериму вывезти чудный лес из Карны? Вниз по реке и берегом?..»

Заржали лошади.

Пассажир открыл глаза, убрал в саквояж иглу, прибавил света в лампе.

Карета дернулась. Брякнула сбруя. Тенью мелькнул ворчащий что-то Гиллигут. В два стука взлетел на козлы Майтус.

— Н-но!

Щелкнул кнут.

— Господин Кольваро! — крикнули вслед.

— Тпр-ру! — сказал Майтус.

Скрипнули, останавливаясь, колеса. Пассажир вновь поднял шторку.

Хозяйка постоялой избы, кланяясь, подавала завязанный узлом клетчатый плат:

— Примите, пожалуйста, от нас с сыном.

Прямо на исподнее она накинула подбитую мехом кацавейку.

— Что это? — спросил пассажир.

— Яички. Хлеб. Немного кровяной колбасы. Огурчики соленые, — хозяйка сподобилась на неловкий книксен.

— Хорошо.

Узелок перекочевал в карету, приткнулся к саквояжу. Пассажир, кивнув, хлопнул дверцей. Медленно-медленно, подрагивая, поплыли назад двор, сосредоточенно копающийся в портках Гиллигут, курицы и лопухи. За низким забором с воротами потянулся луг.

— Н-но!

Дребезжа рессорами, карета покатила быстрее.

Пассажир поправил под собой подушки. Нетряских дорог впереди не намечалось, наверное, до самого Леверна.

Хмурое, непроспавшееся небо. Кромка далекого леса. Тонкая малиновая полоска зари.

Нет, пейзаж пассажира совершенно не впечатлял. Но он не спешил отворачиваться, дожидаясь поворота и вестового столба.

Восковой человечек у него под ногами орудовал, распахивая потайной лючок в днище. Сдвинулась за слонка, в отверстии замелькал серый песок.

— Подожди, — сказал пассажир.

Карета чуть накренилась, на задах брякнул железом сундук, примятая колесом трава сбрызнула стекло росой.

Поворот.

— Сейчас.

Человечек кивнул и прыгнул вниз.

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

Конечно, такие предосторожности, скорее всего, излишни, но...

Почему-то пассажира не оставляло чувство, что такой вроде бы безобидный Гиллигут вполне может работать «линзой». Или вот в узелке...

Прихватив лючок незаметным крючком, пассажир придвинулся к плату. Сняв перчатки, поводитил над ним рукой. Отклика чужой крови, обычного для меченых или чарных вещей, не было. И на том спасибо.

Узел поддался легко.

Хм, действительно огурцы, яйца, колбаса. Краюха хлеба. Хотя нет...

Откатившееся яйцо пассажир взял двумя пальцами.

Остроумно. Яйцо мечено не было, но вот курица, его снесшая... Что ж, кто-то теперь знает — сын Аски Кольваро, Бастель, всего в двух днях пути от дома.

Пассажир улыбнулся.

Одно ловкое движение — и яйцо, вылетев из дверцы и кувыркнувшись в воздухе, исчезло в траве.

А нечего.

На чем он там остановился? На дяде Кериме?

Пассажир прислонился к боковой стенке под лампой. Казалось, что он задремал. Но это было обманчивое впечатление.

«А у нас все по-прежнему, — развернулось в памяти письмо. — Матушка засадила южную часть сада розовыми кустами. Я писал тебе уже о них? Нет? Ну так слушай, к кустам, конечно же, понадобилась беседка, к беседке, само собой, павильон, к павильону — ты же знаешь матушку! — „небольшой“ домик. „Чтобы смотреть на розовые кусты“. На одно только и уповаю — на матушкину забывчивость.

Пан-Симоны и Ведены навещают регулярно.

У Пан-Симонов какой-то там ремонт, так все их многочисленное семейство: братья, сестры, дети,

дядя — у нас чуть ли не поселилось. Ради приличий я себя, конечно, сдерживаю, но в глубине души, сын, तो роплю дожди. Просто-таки истово. Закроем сезон, переедем в город — и никаких Пан-Симонов до весны.

Кстати, этим годом удивительно, но все окрестные имения заселены. И готтардовское, и шептуновское даже. Вроде и не жаркое, не душное лето, а местной высокой крови, видимо, природы захотелось. Пасторалей. Воздуха.

Готтарды по пятницам балы дают. Иллюминация, доложу тебе! Кровь туда, кровь сюда, големы на палашах бьются, огненные змеи летают. Огни! Сестру твою раз с провожатым отпустили, так теперь чуть ли не ежедневно истерики закатывает. Ах, ах, хочу снова, к молодым гаррусам, к статным блезанам!

А я, признаюсь, подсел на „чечетку“.

Простенькая вроде бы игра, пары, старшинство, один „шут“, обмены вслепую, сбросы, но ухо нужно держать остро...»

Пассажир отвлекся.

Карета пошла тяжело, дважды сухо щелкнул кнут. За оконцем зазеленела болотина. Зачавкали копыта лошадей.

Пассажира затрясло на гати.

— Гуафр! — выругался он по-ассамейски, упираясь ладонями в боковые стенки.

Что-то крикнул сидящий на козлах Майтус.

Рискуя вывалиться, пассажир приоткрыл дверцу:

— Что? Что ты сказал, Майтус?

— Я говорю, потерпите, скоро кончится.

— Надеюсь...

Пассажир подложил под себя выскочившую подушку. Хуже, чем верхом, гуафр! Всю душу так вытрясешь...

Майтус запел.

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

«А еще, сын, что-то в Уделе стало беспокойно. По концу весны за Бешеным ручьем обнаружены были три пустые деревни. Ни людей, ни скотины. И никто не знает, куда они делись. Во всяком случае, за ручей они не переходили, их бы видели. Расследование...»
— Ай!

Карета подскочила чуть ли не на локоть, и пассажир влетел в потолок макушкой. Гостинцы из плата попрыгали под ноги.

«...ничего не дало, да и не понравился мне присланный дозначик, больше, говорят, в трактирах сидел, кудрявый такой, рослый, с пустыми глазами. Чего он там в докладе понаписал, не знаю, но чую, ничего путевого, поскольку туда на заселение к середине лета пришли высоким повелением новые семьи, вроде как беглые от засухи с западных земель.

И пока, кажется, живут...»

Пассажир закусил губу. Все-таки очень странный переход от «чечетки»...

Аски Кольваро ничего не делал просто так.

Может, как раз с этой истории и начать? Съездить на Бешеный ручей? С другой стороны, как это соотносится...

Карету перестало наконец трясти. Под колесами за скрипел песок.

Пассажир с облегчением выдохнул, устроился на сиденье поудобней, затем, нагнувшись, подобрал продукты с пола. Раздавленный случайно огурец выкинул.

Как же это соотносится?

Надо было думать. И серьезно. Поскольку неделю назад Аски Кольваро, владелец Северного Удела, отец, бесследно пропал, спросить стало не у кого.

Тайнописью же, которая открывалась только родственной крови, было написано всего три предложения.

«Не доверяй никому, кроме Майтуса. Он — „кровник“. Возвращайся немедленно».

Глава 1

— Бастель!

Дядя Мувен был рад мне.

Действительно рад. Наверное, оттого, что упредил всех, поймав меня в зале левернской гостиницы.

На нем был коричневый дорожный костюм, новенький, с иголки. Через руку была перекинута рыжеватая накидка. Франтоватая трость выглядывала из подмышки костяной конской головой.

— Здравствуйте, дядя,— сказал я.

Я был серьезен и сдержан. Видно было: думаю о пропавшем отце.

Мы обнялись.

— А ты возмужал, возмужал на юге,— дядя отстранился, изучая мою фигуру круглыми желтоватыми глазами.— Вытянулся.— Он пощупал мои бицепсы.— Как говорят у нас, охотников, заматерел. Ассамеев гонял?

— Было такое.

Дядя сцепил пальцы на объемистом животе.

— Обедал уже?

— Нет. Только приехал.

— Если не возражаешь, я пообедаю с тобой.

Чертам дядиного лица было далеко до фамильных.

Кровь Кольваро выдавал разве что нос, прямой и тонкий, а все остальное: толстые щеки, толстые губы, курчавый волос, родинка под свиным глазом — было не пойми чье. Но все ж — дядя.

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

По короткой лесенке мы спустились в полутемный гостиничный ресторан.

Плотные шторы. Круглые столики. Лампы с колпаками цветного стекла. На стенах – литографии с модными нынче сценами охоты.

Столик я выбрал в углу, подальше от входа.

На бахромчатой скатерти выгибали бумажные шеи розовые салфетные лебеди. Дядя Мувен тут же распрошился своего.

– Жарко здесь что-то, – доверительно сообщил он мне, опустившись в низкое кресло. Салфетка промокнула пот над губой и занялась двойным подбородком.

Прощай, лебединое крыло, подумал я.

Чтобы видеть, что делается в ресторане за обширной дядиной спиной, я чуть сдвинул свое кресло.

– Здравствуйте, господа.

Официант – темный фрак, светлая манишка, – заученно улыбаясь, подал картонки меню. Волосы на пробор, бриолин. Цепкий взгляд. Он был половинчатой крови, это чувствовалось, скорее всего, из захудалого, смешавшегося рода.

– Мне, пожалуйста, сначала ост-клеро, – сказал я официанту.

– Сию минуту.

– А мне капельку хереса, – двумя пальцами показал дядя.

Официант принял от него накидку и трость и, кивнув, растворился в зыбкой полутьме.

– Ост-клеро? – поднял бровь дядя Мувен.

– Извините, дядя, но кислятина у меня уже вот где... – Я коснулся ладонью горла. – Обпился.

– Нет-нет, твой выбор, конечно!

Салфетный лебедь лишился и второго крыла.

Дядя, утираясь, сопел и обмахивался свободной рукой. Я, впрочем, особенной жары не замечал.

А вот дядя — нервничал.

— Позвольте.

Бесшумно появившись, официант составил на стол с подноса две бутылки и четыре бокала. Негромко хлопнула мастерски извлеченная пробка. Полилось, шипя, ост-клеро. Бокал мне. Новая пробка. Янтарный всплеск. Бокал дяде.

— Что будете заказывать?

Тонкая книжица возникла в руке официанта. Его взгляд застыл чуть повыше моего лба. Как у какого-нибудь голема.

Я пригубил ост-клеро.

— Пожалуй, мяса.

— Какого? Предпочитаете жаркое, кусочками, на шампуре, по-старошански, крокеты?

— Крокеты.

— Гарнир?

Я вчитался в меню.

— Картофель, обжаренный с луком.

— Прекрасно! — восхитился официант, черкая в книжице обрезком карандаша. — Напитки?

— Если можно, просто воды.

— Может, подслащенной, с лимоном? Или наливки? Наливочки?

— Не стоит.

Я улыбнулся. Официант, вздрогнув, медленно повернулся к дяде.

Мгновение назад он попытался слегка выйти за рамки простого «подай-принеси». Воздействие было летящее, невесомое, всего лишь стимуляция на алкоголь, но я его засек.

И «щелкнул» официанта по носу.

Нет, а еще говорят, что люди нашего времени вырождаются!

СЕВЕРНЫЙ УДЕЛ

— Бастель, ты позволишь? — Дядя Мувен приложил ладонь к груди.

Я кивнул, разрешая ему пообедать за мой счет.

Официант скосил на меня виноватый глаз.

— Итак,— воодушевленный дядя чуть отклонился в кресле,— во-первых, утку по-восточному, хорошо пропеченную, с черносливом, в соусе «дю бон».

— О! — сказал официант.

Карандаш коротко чиркнул.

— Да-да,— важно качнул головой дядя.— Во-вторых, мясо по-старошански, с петрушкой, острой подливой и гречкой на гарнир. Ну и...— Он задумался.— Бастель!

— Да, дядя.

— Может, маринованных грибков с черемшой?

— Как хотите.

— Просто ты угощаешь...— Дядя поерзал, словно ему было неловко.— Или для легкости блинов в сметане?

Я лениво повертел бокал в пальцах.

— Берите и то и то.

— Прекрасные слова! — Дядя одним глотком опрокинул в себя херес.— Вот за что я люблю тебя, мой мальчик, так это за то, что ты не мелочишься!

И он скривил губы, видимо вспомнив, что все остальные как раз наоборот.

— Нап...— Официант запнулся, но продолжил: — Напитки?

— Коньяк,— дядя поднял палец,— готтардовский! Графинчик!

— Несомненно. Мясо будет через пятнадцать минут...

Официант поклонился, гримасничая, скороговоркой прошептал мне: «Прошу прощения за недоразумение» и удалился. Дядя потер ладони.

— Ах, Бастель, Бастель, тут такие закручиваются дела!